ग 122/271

2007231607

9 122/271

Библиотека имени В. И. Ленина

Ф 32041-36

По поводу сочиненія Н. П. Загоскина: «*Уложеніе Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и Земскій Соборъ 1648—1649 года*» (1).

Первое «Историко-юридическое изслѣдованіе объ Уложеніи» 1649 года было издано В. Строевымъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія (2). Трудъ Строева тогда же былъ оцѣненъ по достоинству: Академія наукъ присудила ему премію. Отличительныя черты этого сочиненія составляютъ легкое, ясное и отчетливое изложеніе, равномѣрное развитіе задачи въ главныхъ ея частяхъ, наконецъ *относительно* (3) вѣрное изображеніе общихъ свойствъ памятника. Отдѣльныя ошибки его и патріотическія увлеченія также не прошли безъ замѣчанія со стороны неизвѣстнаго рецензента, скрывшаго свое имя подъ начальными буквами Г. З. (4). Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и профессоръ Морошкинъ на публичномъ актѣ Московскаго университета произнесъ блестящую рѣчь: «Объ Уложеніи и его послѣдующемъ развитіи».

---

(1) Подъ этимъ заглавіемъ авторъ, состоящій профессоромъ въ Казанскомъ Университетѣ, издалъ рѣчь, читанную имъ въ торжественномъ собраніи этого Университета, 5 ноября 1879 г.

(2) Вышло въ Петербургѣ въ 1833 году. Г. Загоскинъ смѣшалъ автора названнаго сочиненія съ извѣстнымъ археологомъ и академикомъ П. М. Строевымъ, его братомъ. См. „Рѣчь", стр. 6.

(3) Говоря *относительно*, мы имѣемъ въ виду скудость свѣдѣній, которыми располагала въ то время въ отношеніи къ Уложенію наука отечественнаго правовѣдѣнія.

(4) Брошюра, изданная имъ въ 1834 г. подъ заглавіемъ: «*Взглядъ на сочиненіе г. Строева объ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича или что было въ 1649 г. и что стало въ XIX столѣтіи?*» показываетъ, что рецензентъ не былъ юристомъ, но это не помѣшало ему подмѣтить нѣкоторыя немаловажныя ошибки Строева, и напрасно г. Загоскинъ отрицаетъ въ ней всякое значеніе. См. «Исторію права Московскаго Государства», стр. 96, прим. 2.

Нисколько не колебля выводовъ своего предшественника, Морошкинъ далъ имъ лишь большую глубину и болѣе рельефное выраженіе. Можно сказать, что наблюденія Строева скользятъ на поверхности, тогда какъ Морошкинъ старается раскрыть общіе пріемы старинной кодификаціи и духъ, господствующій надъ отдѣльными частями Московскаго законодательства.

Съ этими трудами цѣлостная обработка Уложенія прекращается, и дальнѣйшее изученіе его внѣшней и внутренней исторіи совершается уже, такъ сказать, въ разбродъ, по частямъ, по разнымъ поводамъ и случаямъ, имѣющимъ только косвенное отношеніе къ памятнику. Благодаря такому ходу дѣла, историческій образъ Уложенія въ цѣломъ оставался неизмѣннымъ, но отдѣльныя черты его измѣнялись и исправлялись, сообразно новымъ даннымъ и воззрѣніямъ, накоплявшимся съ теченіемъ времени. Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ труды, которые, преслѣдуя чисто спеціальныя задачи, тѣмъ не менѣе внесли значительные вклады въ изслѣдованіе Уложенія; мы назовемъ только на память имена гг. Линовскаго (1), Власьева (2) и В. И. Сергѣевича (3). Изъ нихъ первый, почти незамѣтно для самого себя, въ видѣ простыхъ ссылокъ и сносокъ, обозначилъ важнѣйшія точки соприкосновенія между Московскими и Литовскими уголовными законами; второй значительно подвинулъ впередъ вопросъ объ общемъ характерѣ Уложенія въ смыслѣ кодификаціонномъ и едва ли не первый обратилъ вниманіе на починъ земства въ дѣлѣ его изданія; наконецъ, третій вошелъ въ болѣе подробное розысканіе о вліяніи собора 1648 — 1649 г.г. на содержаніе Уложенія и поставилъ на видъ другимъ ученымъ важность спеціальнаго изученія челобитныхъ, какъ одного изъ характернѣйшихъ источниковъ Уложенія. Не обходилось, конечно, и безъ статей и замѣтокъ, ставившихъ себѣ прямою цѣлью разъясненіе той или другой стороны нашего сборника законовъ, таковы: извѣстная статья И. Е. Забѣлина: «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича»; Замѣчанія по поводу ея К. Д. Кавелина и изслѣдованіе профессора Владимірскаго-Буданова: «Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича», напечатанное въ 4-мъ томѣ «Сборника

---

(1) Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича. Одесса, 1847 г.

(2) О вмѣненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права. Москва, 1861 г.

(3) Земскіе Соборы въ Московскомъ Государствѣ въ „Сборникѣ государственныхъ знаній“, т. II.

9510

государственныхъ знаній». Мысль о коренномъ пересмотрѣ вопроса во всемъ его объемѣ родилась въ Археологическомъ Институтѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ чтеній Н. В. Калачова о русскихъ юридическихъ древностяхъ (1). Между тѣмъ и въ общественной жизни нашей повѣяло новымъ духомъ, и повременная печать усиленно стала заниматься вопросомъ о земскихъ соборахъ на Руси. Увлеченный этимъ общимъ потокомъ времени, профессоръ Казанскаго Университета Н. П. Загоскинъ возымѣлъ благое намѣреніе занять вниманіе мѣстнаго образованнаго общества *«рѣчью»* объ Уложеніи, произнесенною на торжественномъ актѣ прошлаго года.

Не знаемъ, какое впечатлѣніе произвела разсматриваемая рѣчь на Казанскую публику въ чтеніи самого уважаемаго автора; но какъ произведеніе печати, она не удовлетворяетъ требованіямъ ораторскаго искусства: изложеніе ея чуждо всякой художественности, блѣдно, растянуто и даже скучно, по крайней мѣрѣ для неспеціалистовъ (2). Насъ же занимаетъ здѣсь исключительно содержаніе «Рѣчи», или точнѣе постановка и рѣшеніе ею спорныхъ или мало разработанныхъ вопросовъ. Посмотримъ поэтому, что собственно составляетъ плодъ новыхъ изысканій и размышленій г. Загоскина и въ какой мѣрѣ плодъ этотъ можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ пріобрѣтеніемъ науки.

Когда авторъ утверждаетъ, что составленіе Уложенія вызвано *народнымъ челобитьемъ*, то онъ, конечно, повторяетъ только то, что замѣчено было его предшественниками, съ тою разницею, что, по его мнѣнію, высказанному еще въ «Исторіи права Московскаго государства», челобитье это подано было царю еще при вступленіи его на престолъ («Рѣчь,» стр. 13); теперь же отдаленный, такъ сказать, починъ имѣетъ при себѣ другой, ближайшій: именно событія, разыгравшіяся въ Москвѣ непосредственно предъ начатіемъ работъ по Уложенію. Г. Загоскинъ, такимъ образомъ, напалъ на прямой путь къ открытію настоящей побудительной причины, склонившей юнаго царя къ мысли посовѣтоваться съ *«Землею»*; но вмѣсто того, чтобы всю силу царскаго рѣшенія перенести на печальныя и грозныя явленія, которыми ознаменовались іюньскіе дни 1648 года (3), онъ по прежнему придаетъ важное

---

(1) См. Сборникъ Археологическаго Института, кн. 2, отчетъ о поѣздкѣ въ Москву слушателей Института.

(2) Такое же замѣчаніе сдѣлано рецензентомъ „Русской Мысли“ въ мартовской книжкѣ нынѣшняго года, въ отдѣлѣ: „библіографія,“ стр. 10.

(3) Началомъ смутъ считаютъ Московскій бунтъ, но относительно времени его возникновенія какъ отечественные, такъ и иностранные источники

значеніе именно челобитью. Равнымъ образомъ г. Загоскинъ просмотрѣлъ, что въ свидѣтельствѣ о челобитьи, за которымъ (т. е. челобитьемъ) послѣдовалъ указъ о составленіи Уложенія, нѣтъ прямаго указанія на то, чтобы *дворянство* и *торговые люди* (а не *вся земскіе чины* Московскаго государства) хлопотали именно объ изданіи новаго свода законовъ. Далѣе, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и волненія имѣли своимъ источникомъ не общее недовольство существующими законами, а стремленіе одного городскаго населенія устранить изъ своей среды чуждый ему элементъ дворянскій, вторгшійся въ его торговую и промышленную жизнь и закабалившій много горожанъ, которые, живя на своихъ тяглыхъ мѣстахъ, облегчили-бы общее податное бремя своей братьи. Это домогательство городскаго населенія не было какою нибудь новостью: оно опиралось на тѣ мѣры, какія приняты были правительствомъ въ самую горячую пору «земскаго строенія». Духъ, если не сословной, то еще болѣе мелкой *статейной* замкнутости съ достаточною яркостью обнаружился въ ходатайствахъ разныхъ чиновъ людей, какъ до открытія земскаго собора 1648 г., такъ и во время его, для того, чтобы не впасть въ преувеличеніе на счетъ объема и значенія мѣръ, которыхъ домогались отдѣльныя общественныя группы (1). Въ самомъ дѣлѣ, если

дaютъ разнорѣчивыя показанія. Главнѣйшія изъ существующихъ извѣстій по этому предмету сопоставлены были профессоромъ Бестужевымъ-Рюминымъ въ первой книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за нынѣшній годъ, въ предисловіи и примѣчаніяхъ къ русскому переводу записки, составленной очевидцемъ и сохранившейся въ Бодлеанской Оксфордской библіотекѣ. Останавливаясь на 23 іюня, какъ наиболѣе вѣроятномъ числѣ, уважаемый ученый опирается на два соображенія: 1) по свидѣтельству Олеарія, бунтъ произошелъ во время крестнаго хода въ *Срѣтенскій монастырь*, что совершалось обыкновенно 23 іюня; 2) авторъ записки свидѣтельствуетъ, что смута затѣялась въ *пятницу*, каковой день подходитъ только къ 23 числу, а не къ 22-му, какъ значится въ заголовкѣ англійскаго текста. Но изъ замѣтки г. Феттерлейна, помѣщенной въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы“, видно, что въ голландскомъ печатномъ текстѣ число событія какъ въ заглавіи, такъ и въ разсказѣ одинаково обозначено 2-мъ іюня. Это-то число, по нашему мнѣнію, имѣетъ преимущество предъ всѣми прочими, потому что: 1) оно имѣетъ за себя показаніе оффиціальнаго акта, богомольной грамоты, разосланной отъ патріарха по всѣмъ городамъ (А. А. Э. IV, № 30); 2) число это въ 1648 году также приходилось въ *пятницу*, что служитъ новымъ признакомъ его достовѣрности. Что-же касается „Дворцовыхъ Разрядовъ“, въ которыхъ событіе отнесено къ концу мая, то оффиціальное происхожденіе дошедшихъ до насъ книгъ этого рода, какъ извѣстно, остается подъ сомнѣніемъ. См. предисловіе къ первому тому „Дворцовыхъ Разрядовъ“.

(1) См. въ нашей статьѣ: „Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія

городское сословіе и даже отдѣльные разряды его думали о томъ, какъ-бы притянуть къ себѣ свою братью для облегченія имъ податной тягости, то масса дворянъ московскихъ и городовыхъ желала на вѣки прикрѣпить къ себѣ крестьянъ и захватить побольше земель, особенно на счетъ церковныхъ вотчинъ. Тѣ немногіе случаи, когда просьбы подавались или заявлялись сообща отъ имени нѣсколькихъ разрядовъ, не опровергаютъ нашей мысли. Въ кругу общежитія встрѣчаются интересы, равно близкіе и дорогіе разнымъ общественнымъ сочлененіямъ, напр.: желаніе искоренить или, по крайности, обуздать своекорыстіе и произволъ чиновниковъ одинаково раздѣлялось мелкимъ служилымъ и тяглымъ людомъ. Совмѣстное дѣйствіе этихъ группъ въ подобныхъ случаяхъ нисколько не противорѣчитъ тому основному положенію, что на соборахъ представители каждаго чина прежде и болѣе всего хлопотали о выгодахъ представляемаго ими класса. Здѣсь не лишне будетъ вспомнить и о томъ, какъ спеціализировался и самый составъ соборныхъ засѣданій въ тѣхъ вопросахъ, рѣшеніемъ которыхъ заинтересованы были отдѣльные чины, а не все населеніе. Въ этихъ случаяхъ представители незаинтересованной части либо сами добровольно уклонялись отъ сужденія по дѣлу, которое имъ не *«за обычай»* или вовсе не приглашались на соборъ въ томъ, вѣроятно, убѣжденіи, что это было бы съ ихъ стороны вмѣшательствомъ въ чужое дѣло. И какою горькою ироніей отзывается такая, наприм., фраза, что прикрѣпленіе крестьянъ и другія однородныя мѣры, стѣснявшія до-нельзя личную и общественную свободу, что всѣ эти мѣры приняты Московскимъ правительствомъ по требованію или *челобитью народа!* А между тѣмъ такое именно впечатлѣніе производятъ всѣ новѣйшіе толки о значеніи *народныхъ челобитій* въ Московскомъ законодательствѣ. Откликаясь на призывъ высокоталантливаго В. И. Сергѣевича, воспріемники его свѣтлой мысли даютъ ей такое растяженіе, что конкретныя черты отдѣльныхъ явленій сглаживаются подъ общею симпатичною окраскою *народнаго представительства* (1). Благодаря такому пріему, самыя мрачныя стороны Московскаго государственнаго строя утрачиваютъ свою традиціонную суровость; нѣтъ

1649 г.," помѣщенной въ Сборникѣ Археолог. Инст. кн. III, отд. I, стр. 91, 111 и 112.

(1) Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду не только г. Загоскина, вообще отличающагося наклонностью къ оптимизму, но и профессора Дитятина, ученаго съ болѣе положительнымъ міросозерцаніемъ. Ср. „Рѣчь" перваго, стр. 21 и 27, съ статьею втораго: „Роль челобитій и земскихъ соборовъ" въ майской книжкѣ „Русской Мысли" за текущій годъ.

болѣе правыхъ и виновныхъ, всѣ — одинаковые *страдальцы*, сами накликавшіе на себя бѣду если не *грѣхами своими*, какъ думали они сами, то своимъ *неразумiемъ*, своимъ противуестественнымъ стремленіемъ къ *кабальному* и *холопьему* состоянію.

Переходя къ самому способу составленія Уложенія, г. Загоскинъ пытается опредѣлить взаимное отношеніе между правительственною комиссіею, состоявшею подъ начальствомъ кн. Н. И. Одоевскаго, и общимъ земскимъ совѣтомъ. Здѣсь авторъ силится доказать, что коммиссіи вовсе не поручалось составленіе какого нибудь законченнаго проекта Уложенія, а только собираніе и приведеніе въ порядокъ разрозненныхъ матеріаловъ, а также постановка новыхъ вопросовъ, не получившихъ дотолѣ законодательнаго рѣшенія (стр. 31—33). Г. Загоскинъ нигдѣ не объясняетъ намъ, что̀ онъ разумѣетъ подъ законченнымъ проектомъ и почему полномочіе собрать существующіе законы или, вѣрнѣе, *выбрать* изъ нихъ, а также изъ греческихъ, все *пристойное* къ государеву и земскому дѣлу, прибавивъ къ тому случаи не предусмотрѣнные прежними законодателями, — почему такое полномочіе исключаетъ представленіе о законченности проекта. Гораздо важнѣе было-бы рѣшить вопросъ: *выборка пристойныхъ* статей изъ разновременныхъ и разнорѣчивыхъ источниковъ и включеніе ихъ въ составъ полнаго проекта Уложенія производились-ли по *личному* усмотрѣнію составителей онаго, или-же вопросъ о пригодности извѣстной *статьи* разрѣшался предварительно *царемъ въ особыхъ частныхъ докладахъ?* Но г. Загоскинъ даже не поставилъ себѣ такого вопроса. Точно также не понятно, въ чемъ полагаетъ онъ «*самостоятельное* разрѣшеніе новыхъ вопросовъ, затронутыхъ Уложеніемъ» (стр. 32). Само собою разумѣется, что при составленіи новаго законодательнаго сборника самостоятельность лицъ, имъ занимающихся, можетъ выражаться лишь простымъ предложеніемъ своего *мнѣнія*, утвержденіе котораго зависитъ отъ верховной *рѣшающей* власти. Въ этомъ смыслѣ можно-ли утверждать, что составители Уложенія лишены были такого права? Вѣдь предложеніе опредѣленнаго *мнѣнія*, хотя-бы въ нерѣшительной формѣ вопроса, составляло обычную принадлежность докладовъ, вносимыхъ въ царскую думу изъ приказовъ при нормальномъ ходѣ дѣлъ. На какомъ-же основаніи будемъ мы отрицать такое право за коммиссіей изъ пяти лицъ, облеченныхъ особымъ довѣріемъ государя?

Сосредоточимъ теперь свое вниманіе на земскихъ дѣятеляхъ и взглянемъ, какое мѣсто занимали они въ дѣлѣ составленія новаго кодекса. Въ изображеніи первыхъ изслѣдователей Уложенія *народъ* или его *представители* разыгрывалъ роль простыхъ статистовъ и служилъ лишь сценическимъ украшеніемъ. Такое бездѣятельное положеніе от-

водилось земскимъ людямъ, благодаря, во 1-хъ, крайне сбивчивому и запутанному образу выраженій, господствующему на этотъ счетъ въ самомъ предисловіи къ Уложенію, а во 2-хъ, благодаря тогдашнему отсутствію какихъ-бы то ни было вспомогательныхъ свѣдѣній, которыя раскрыли-бы дѣйствительное значеніе выборнаго элемента. Въ иномъ видѣ представлялось дѣло изслѣдователямъ 60-хъ годовъ, когда въ распоряженіи науки находились уже многотомныя изданія Археографической Коммиссіи, въ которыхъ тамъ и сямъ попадаются акты, проливающіе свѣтъ на эту темную сторону вопроса. И чѣмъ обстоятельнѣе стали изучать исторію земскихъ соборовъ на Руси, тѣмъ болѣе накоплялось чертъ для положительной характеристики и того собора, который созванъ былъ для утвержденія Уложенія. Но въ этомъ направленіи никто еще не зашелъ такъ далеко, какъ г. Загоскинъ. Вопросъ теперь въ томъ: вѣрно-ли взвѣсилъ онъ участіе народныхъ представителей въ начертаніи и обсужденіи проекта Уложенія? Исходнымъ пунктомъ всѣхъ его заключеній служитъ толкованіе одного весьма неяснаго выраженія, встрѣчающагося въ указѣ о составленіи Уложенія. Это то мѣсто предисловія, гдѣ рѣчь идетъ о восполненіи пробѣловъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Вслѣдъ за повелѣніемъ о выпискѣ пристойныхъ статей изъ греческихъ и русскихъ законовъ прежнихъ царствованій предписывается: *также* («потомужъ») «*написать* и *изложить* общимъ совѣтомъ» и тѣ статьи, которыхъ не доставало въ прежнихъ указахъ. Спрашивается: простирается-ли участіе общаго совѣта на всѣ законы, какъ выписанные изъ готовыхъ источниковъ, такъ и вновь сочиненные, или-же оно ограничено одними послѣдними? Такъ какъ рѣшеніе этого недоумѣнія едва-ли достижимо при помощи простаго грамматическаго толкованія, то приходится обращаться къ общей логикѣ законодательнаго искусства. И вотъ, становясь на эту почву, мы не видимъ никакихъ основаній, по которымъ нужно бы отдать предпочтеніе второму толкованію, принятому нашимъ авторомъ (1).

---

(1) Болѣе обстоятельное развитіе этой мысли читатель найдетъ въ нашей статьѣ: „Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія“ въ третьей книгѣ „Сборника Археологическаго Института“, стр. 108 и 109. Можно также привести и фактъ, значительно колеблющій искусственное объясненіе. Вотъ напр. VIII глава—объ искупленіи плѣнныхъ—содержитъ въ себѣ безспорно положеніе *не новое*, но оно, по собственному указанію г. профессора, было предметомъ, о которомъ царь „*говорилъ*“ съ выборными людьми (стр. 52). Поэтому мы и удивляемся, какъ г. Загоскинъ помѣстилъ всѣ статьи 8-й главы въ числѣ новыхъ (стр. 54).

И такъ, съ этой стороны, г. Загоскинъ, какъ и его предшественники, напр. г. Власьевъ, съуживаетъ задачу соборныхъ людей безъ достаточной причины; но за симъ онъ съ замѣчательною легкостью растягиваетъ предѣлы такъ называемыхъ *новыхъ* статей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вліяніе земскаго собора на составъ памятника. Свѣдѣнія свои о новыхъ статьяхъ добываетъ онъ частью изъ помѣтъ, сохранившихся на поляхъ подлиннаго уложеннаго столбца, частью изъ самаго Уложенія, наконецъ изъ разныхъ историческихъ актовъ. При этомъ онъ исчисляетъ не только тѣ постановленія, которыя *несомнѣнно* вызваны были ходатайствами разныхъ чиновъ, но и тѣ, которыя, по его соображеніямъ, образуютъ «*дальнѣйшее*», или даже «*необходимое*» дальнѣйшее ихъ развитіе. Нельзя ничего возразить противъ научной законности всѣхъ указанныхъ средствъ для опредѣленія числа новыхъ статей, но всѣ эти способы, не исключая и самыхъ простыхъ, требуютъ большой осмотрительности; иначе, легко можно впасть въ заблужденіе на счетъ степени новизны отдѣльныхъ предписаній закона. Поясникъ нашу мысль примѣрами: противъ X гл. ст. 236 на подлинномъ уложенномъ столбцѣ значится: «*вновь пополнено*»; но изъ одного позднѣйшаго указа (Полное Собраніе Законовъ т. I, № 580) видно, что статья эта попала въ Уложеніе изъ наказа межевщикамъ 135 и 136-го годовъ. Подобное же замѣчаніе можно сдѣлать касательно другихъ двухъ статей той-же главы (146 и 147), которыя отмѣчены въ числѣ «*вновь прибавленныхъ*». Прибавленными онѣ могутъ считаться не по идеѣ, — такъ какъ злоупотребленія приставовъ преслѣдовались и прежними законами, — а развѣ по строгости наказаній, или по ясному категорическому требованію отъ приставовъ поруки, что̀ прежде дѣлалось просто въ силу обычая (см. поручныя по новгородскихъ недѣльщикахъ 1586 г. и ближайшихъ годовъ въ «Описи древнихъ рукописей, хранящихся въ Музеѣ Императорскаго Русскаго Археологическаго общества», составленной Д. И. Прозоровскимъ стр. 146). Изъ числа статей, которыя сами указываютъ на то, что̀ въ нихъ новаго, отмѣтимъ ст. 2-ю гл. XVII, упущенную изъ виду г. профессоромъ. Постановленіе это касается права женъ на наслѣдованіе въ выслуженныхъ и родовыхъ вотчинахъ ихъ мужей, не оставившихъ по себѣ помѣстій и купленныхъ вотчинъ. Указаніе на происхожденіе этого распоряженія важно и въ томъ отношеніи, что при его помощи мы легко открываемъ еще одну новую статью въ XVI гл., именно 16-ю, чего безъ этого мы не узнали-бы. Примѣръ этотъ послужитъ намъ хорошимъ переходомъ къ той обширной группѣ статей, происхожденіе которыхъ опредѣлено г. Загоскинымъ третьимъ изъ вычисленныхъ выше способовъ. Въ этомъ способѣ должно различать двѣ

операціи: одна состоитъ въ простомъ отыскиваніи и подведеніи прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ касательно того или другаго частнаго постановленія или цѣлой совокупности такихъ постановленій; другая — въ открытіи новыхъ статей путемъ болѣе или менѣе сложныхъ логическихъ комбинацій. Главною опорою послѣдней операціи служитъ, такъ сказать, логическое сродство постановленій, или зависимость одного узаконенія отъ другаго. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ однимъ обстоятельствомъ, которое заставляетъ насъ относиться къ этому пріему съ величайшею осторожностью, чтобы не сказать съ недовѣріемъ, до тѣхъ поръ, пока сдѣланное такимъ путемъ открытіе не подтвердится другими болѣе надежными признаками. Извѣстно, что въ законахъ, какъ и въ жизни, частное проявленіе какой-нибудь новой идеи находитъ себѣ приложеніе раньше общаго. Вотъ почему логическая подчиненность узаконеній не можетъ служить показателемъ ихъ временной послѣдовательности. Это-то соображеніе оставлено г. Загоскинымъ безъ вниманія, вслѣдствіе чего у него и явились въ числѣ новыхъ постановленій такія, которыя изданы были раньше Уложенія. Наприм. въ гл. XI авторъ относитъ къ этому разряду статьи 3—14, между тѣмъ ст. 9 и 10 заимствованы изъ писцоваго наказа 1846 г. (А. А. Э. IV. № 14). Тоже должно сказать и о XIII гл., которую онъ всю считаетъ новою, тогда какъ въ дѣйствительности ст. 2, 4 и 5 имѣютъ свой источникъ въ указѣ 9 марта 1642 г.

Всѣхъ статей, составленныхъ при участіи земскаго собора, г. Загоскинъ насчитываетъ 82, выдѣляя изъ нихъ 58, вызванныхъ прямо или посредственно челобитьями разныхъ чиновъ. Какъ уже было замѣчено, послѣдняя цифра мало надежна. Прибавимъ къ этому, что подъ видомъ статей, составляющихъ «дальнѣйшее развитіе» основныхъ, скрываются и такія, которыя, очевидно, ограничиваютъ ихъ дѣйствіе, какъ противовѣсъ, указывающій на встрѣчныя стремленія различныхъ партій. Какъ велась эта борьба, какія средства употреблялись противниками для одержанія верха, — намъ пока неизвѣстно; но самые предметы разногласій и ихъ конечные результаты могутъ быть выслѣжены простымъ анализомъ самого Уложенія (1). Такой анализъ далъ-бы намъ болѣе

---

(1) По нашимъ наблюденіямъ, борьба различныхъ элементовъ оставила особенно яркіе слѣды въ гл. IX — о мытахъ, перевозахъ и мостахъ (если сравнить отдѣльныя ея статьи съ предписаніями указа 9-го марта 1642 г.), X—о судѣ (уничтоженіе тархановъ и мѣры противъ людей, которые чинятся сильными и не даются подъ судъ), XI — судъ о крестьянахъ (освобожденіе отъ платежа владѣнныхъ денегъ за время до Уложенія, XII и XIII—о судѣ

живое представленіе о силѣ и значеніи тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые возбуждали или отклоняли извѣстныя требованія. Теперь-же, когда всякое челобитье, отъ кого-бы оно ни исходило и чѣмъ-бы ни кончилось, вставляется въ одну общую рамку, сужденіе о вліяніи общества, въ цѣломъ и отдѣльныхъ его слояхъ, на ходъ законодательства принимаетъ довольно туманный видъ.

При неполнотѣ положительныхъ данныхъ въ пользу дѣятельной роли выборныхъ, нельзя пренебрегать и такими косвенными соображеніями, какъ продолжительность соборной сессіи, на которой Уложеніе было «*чтено*». Справедливо опровергая прежнее мнѣніе о баснословной быстротѣ, съ какою будто изготовленъ былъ нашъ памятникъ, г. Загоскинъ, однако, и самъ упустилъ изъ виду одну статью Уложенія (гл. XVII ст. 55), которая дала-бы ему возможность рѣшить этотъ вопросъ съ математическою точностью, безъ всякихъ догадокъ. Приблизительный расчетъ его разнится отъ дѣйствительности на цѣлый мѣсяцъ: Уложеніе было окончено *на писмѣ* (а не *въ печати*, какъ думали прежде) 29 января 1649 г., по мнѣнію же г. Загоскина — въ концѣ предыдущаго декабря (стр. 57; см. нашу статью «Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія» въ третьей книгѣ «Сборника Археологическаго Института, стр. 114).

Въ опредѣленіи состава собора авторъ положился на г. Забѣлина, и потому всѣ упущенія, вкравшіяся въ извѣстное сообщеніе почтеннаго археолога о подлинномъ Уложеніи, перешли и въ разбираемую «Рѣчь».

Большое вниманіе удѣлено вопросу о печатаніи Уложенія и старинныхъ его изданіяхъ. Тутъ авторъ пользовался не только печатными, но и нѣкоторыми рукописными матерьялами; но упущеніе изъ виду общеизвѣстныхъ фактовъ (требующихъ, впрочемъ, новой повѣрки) помѣшало ему установить точное число изданій и время ихъ печатанія. Между тѣмъ, преслѣдуя именно эту цѣль, авторъ потратилъ много остроумія на догадки, невѣрность которыхъ можетъ быть документально доказана. Мы не станемъ утомлять читателя подробностями, любопытными только записнымъ библіографамъ; ограничимся изложеніемъ окончательныхъ его заключеній и тѣхъ фактовъ, которыми они опроверга-

---

патріарха и Монастырскомъ приказѣ, XVII — о вотчинахъ (по вопросу объ отобраніи церковныхъ имѣній), и XIX — о посадскихъ людяхъ (изъятіе для мастеровыхъ людей, живущихъ во дворцѣ, въ ружничьей палатѣ и разныхъ приказахъ, ст. 24; для посадскихъ, поступившихъ въ казаки, устроенныхъ мѣсячными кормами и верстанныхъ денежными окладами, ст. 29).

ются. Г. Загоскинъ почему-то воображаетъ, что до него общее мнѣніе ученыхъ юристовъ признавало одно лишь изданіе Уложенія 1649 г., между тѣмъ, всякому, кто читалъ предисловіе къ Полному собранію законовъ, или просматривалъ библіографическій «Опытъ» Сопикова, извѣстно было, что въ 1649 г. такихъ изданій вышло три. Относительно первыхъ двухъ изданій сохранились точныя свѣдѣнія въ архивѣ печатнаго двора (при синодальной типографіи въ Москвѣ), существованіе-же третьяго подтверждается пока только наружнымъ осмотромъ различныхъ старопечатныхъ экземпляровъ и требуетъ повѣрки (см. Сборникъ Археологическаго Института, кн. 2, стр. 12). Не зная ничего о третьемъ изданіи, г. Загоскинъ говоритъ только о двухъ и даетъ большое число признаковъ для ихъ различенія. Такого обстоятельнаго сравненія первыхъ двухъ изданій никто доселѣ не предпринималъ. Время печатанія перваго изданія не могло быть съ точностью опредѣлено авторомъ, за неимѣніемъ подъ рукою упомянутыхъ выше архивныхъ свѣдѣній, но приблизительное его опредѣленіе легко можно было сдѣлать на основаніи случайно сохранившихся въ Полномъ Собраніи Законовъ свѣдѣній о времени печатанія втораго изданія, въ которомъ (т. е. изданіи), по просьбѣ гостей, имя ихъ было напечатано выше дьячьяго (П. С. З. I, № 247). Г. Загоскинъ знаетъ этотъ указъ (стр. 71, прим. 1), но истолковываетъ его въ такомъ смыслѣ, какъ будто рѣчь тамъ идетъ о перепечаткѣ подлежащихъ листовъ въ первомъ изданіи. Смѣшавъ, такимъ образомъ, время печатанія обоихъ изданій, г. Загоскинъ пустился затѣмъ въ догадки о томъ, когда-же собственно предпринято было второе изданіе памятника и чѣмъ вызваны были тѣ болѣе или менѣе существенныя разности въ текстѣ, которыя замѣчаются при сличеніи его съ первымъ. Съ этою цѣлью припоминается, съ одной стороны, вліяніе Никона на царя Алексѣя въ первые годы своего патріаршества и неприязненное отношеніе патріарха къ Уложенной книгѣ. Отсюда заключеніе, будто второе изданіе предпринято было въ промежутокъ времени отъ 1652 до 1658 г. (стр. 74—76). Несостоятельность этого предположенія можно-бы доказать простыми логическими соображеніями; но, къ счастью, мы имѣемъ подъ рукою документъ, изъ котораго очевидно, что когда Никонъ въ своемъ заточеніи писалъ знаменитое «Возраженіе» или «Раззореніе» на вопросы Стрешнева и отвѣты Лигарида, то онъ пользовался вторымъ изданіемъ и направлялъ свои удары противъ тѣхъ самыхъ измѣненій, которыя г. Загоскинымъ приписаны московскому архипастырю (1). Съ другой стороны, высказывается подозрѣніе на дворец-

(1) Выписавъ начало 10 ст. XIV гл. Уложенія по *второму* изданію, гдѣ

каго князя Львова, завѣдывавшаго и книгопечатнымъ дворомъ. Это подозрѣніе объясняется слѣдующими обстоятельствами: 1) сохранилось извѣстіе, что князь Львовъ и 150 его единомышленниковъ сосланы были въ Соловецкій монастырь за неудовольствіе, выраженное ими на соборѣ по поводу Уложенія; 2) по служебнымъ спискамъ, отставка князя Львова относится къ 1652 г. (стр. 76). Тутъ, намъ кажется, кроется какое-то недоразумѣніе: если-бы боярин навлекъ на себя царскій гнѣвъ своимъ упорствомъ, обнаруженнымъ на соборѣ 1648 и 1649 гг. во главѣ полутораста выборныхъ, то какъ-же бы онъ оставался на службѣ еще три года?

Дѣйств. членъ **Д. Мейчикъ.**

дѣлается ссылка на 82-е правило Василія Великаго, Никонъ замѣчаетъ: „писано есть отъ діавола, зане той есть отецъ лжи, и божественный апостолъ глаголетъ, яко вся лжа отъ истины нѣсть. Василій Великій, Христовъ ученикъ и подражатель Христовыхъ Заповѣдей, и не писывалъ такого правила, чрезъ Евангельскія Заповѣди, еже кому крестъ цѣловать на правдѣ или на лжи, Богу заповѣдующему: „не кленитеся ни небомъ, ни землею, ни иною коею клятвою". А ты, лженисателю (Одоевскій), яко-же вездѣ лжеши, и здѣ такожде и на Василія Великаго солга. Василій Великій пишетъ въ своемъ правилѣ 82-мъ не о томъ, еже кому съ суда крестъ цѣловать или клятися, но аще кто кленется, еже не творити зла котораго впредь, о немъ же увѣдавъ, яко грѣхъ есть, и потомъ отъ невнятія занятъ бывъ или иною коею виною, или принужденъ и поневоленъ отъ кого, яко же самое то правило свидѣтельствуетъ". — По случаю цитируемаго въ той же статьѣ 64-го правила Василія Великаго дѣлается такое замѣчаніе: „Василій Великій не о крестномъ преступленіи пишетъ, яко-же и самое то правило являетъ (слѣдуетъ текстъ); но о таковыхъ клятвахъ глаголетъ, яко-же пророкъ Давидъ глаголетъ: „кляхся и поставихъ сохранити судьбы правды". См. рукописное сочиненіе Ундольскаго, хранящееся въ Московскомъ и Румянцевскомъ Музеѣ, подъ заглавіемъ: „Отзывъ патріарха Никона объ Уложеніи", стр. 60 и 61 (по каталогу отдѣленія старопечатныхъ книгъ и рукописей значится подъ № У. 1314). Не напрасно будетъ замѣтить, что приведенные отрывки не вошли въ извлеченіе, сдѣланное г. Ламанскимъ изъ архива тайныхъ дѣлъ для Русскаго Археологическаго Общества и изданное имъ же во 2-мъ томѣ „Записокъ отдѣленія Славянской и Русской археологіи". Спб., 1861 г.

Отдѣльно отпечатано изъ «Сборника Археологическаго Института». Книга четвертая.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 л., д. № 45.)